

15 МАЯ 1964

МОЗОЛИСТЫЕ РУКИ ИСКУССТВА

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ сказал однажды: «поэзии мозолистые руки». И, конечно, не только поэзии имел он в виду, сравнивая труд художника слова с тяжелойшей из работ — добычей руды. — «в грамм добыча — в год труды». Поэт говорил об искусстве вообще. А ведь оно и в самом деле ошеломляюще трудоемко. Мы стоим в выставочном зале у новой картины, любуемся живыми ее красками, наши души охватывает настроение, «задуманное» живописцем, — словом, все чувствуем, все понимаем и лишь одно обычно как-то забываем понять: сколько же человеческих сил вложено в этот кусок холста, чтобы стал он самой жизнью...

То же — в музыке, литературе, театре, кино: на каждый «грамм добычи» — дни, ночи, месяцы, годы труда. Мне рассказывали об одном нашем блестящем литераторе, славящемся ажурной тонкостью своего письма. — как, разложив на полу десятки вариантов одной только фразы романа, разрезав эти строчки на слова, он кропотливо, долгими часами ищет одно-единственное сочетание... Прославленная ленинградская балерина И. Колпакова, вернувшись из утомительной зарубежной поездки, на утро следующего дня пришла в репетиционный класс на урок... Песня В. Соловьева-Се-

дого «Подмосковные вечера» звучит со сцены не больше 6—7 минут, а сколько времени писал ее композитор...

Мозолистые руки нашего искусства... Пусть не видны они нам, зрителям, читателям, слушателям, но скажем с уверенностью: трудятся эти руки много. И, пожалуй, особенно в этот год, после встреч руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, после июньского Пленума ЦК. И недаром, если задать любому писателю, художнику, актеру, режиссеру вопрос: «Чем был богат для вас этот год?», ответ прозвучит поначалу коротко:

— Работой.

ПИСАТЕЛЬНИЦА Вера Федоровна Панова грозна для корреспондентов почти полной своей недоступностью. Но это, конечно, не от жесткости характера, а оттого, видно, что в часы раздумий мешают любой посторонний разговор.

Все же звоню. И — ответ:

— Много работала этот год, о многом думала.

Новые книги В. Пановой еще не вышли в свет. Лениздат готовит к печати сборник ее новых рассказов, которые будут опубликованы вместе с уже опубликованными «Валей», «Воледей», «Евдокией». По сценарию писательницы приступил к работе над фильмом «Рабочий поселок» режиссер В. Венгеров. На Центральной студии имени М. Горького в Москве готовятся к съемкам картины по другому сценарию Веры Федоровны — «Рано утром». И еще — начала писать две большие прозаические вещи, новую пьесу. «Впрочем, это, — говорит писательница, — пока мой производственный секрет».

— А кто же герои произведений, которые уже закончены?

— И в одном сценарии, и в другом живут и действуют рабочие люди. В выборе героев про-

должаю то, что начала «Кружильхой», «Метелицей». Да и «Валей» моя, помните, тоже была рабочей девчонкой...

И помолчал:

— Если мы, писатели, хотим правильно разобраться в жизни, понять ее, если хотим помочь нашим читателям разобраться в этом — надо писать о главном герое времени — рабочем классе. Он — соль земли, как говорится, начало начал!

Слова беседы стараюсь записать поточнее. Но разве передашь интонацию, с которой они сказаны? Так может говорить только человек, сам проработавший этот год от зари до зари...

МОЛОДОЙ композитор Андрей Павлович Петров вошел в наше искусство последних лет на гребне песенного потока. Песни Петрова хлынули к нам с экранов кино и телевизоров, из радиоприемников — очень мелодичные, очень светлые, очень лирические и очень современные. Недавно Петров написал музыку к фильмам «Два воскресенья» и «Я шагаю по Москве».

Значит, эстрадная музыка? Ей отдаст предпочтение композитор? Не надо торопиться с выводами. Во-первых, не забудем, что Андрей Петров — автор двух балетов («Берег надежды», кроме Ленинграда, поставлен в этом году в Перми, Одессе, Таллине). Он создал симфоническую поэму, большой вокальный цикл. А вотворых...

— Я думаю, что в наших музыкальных жанрах образовался слишком большой разрыв. Есть очень «легкая» легкая музыка и очень «серьезная» — серьезная. Считаю, — улыбается Андрей Павлович, — что мне предназначено место посередине. Друзья часто говорят: «Займись легкой музыкой, изучай ее, посвяти ей все-го себя, как, например, Дунаевский». А я несогласен. Музыка, как жизнь, — необъятна. Хочется

сделать многое. И знаете, что еще? Искать! Обязательно искать...

Это не просто декларация. Сейчас на рояле — начатая партитура. И в ней для А. Петрова тоже отражен год, прошедший после июньского Пленума ЦК. Молодой композитор пишет свою Первую симфонию — о Ленине, Революции, Жизни, Любви. Большая тема потребовала и новой формы. Он нарушил канонические принципы построения симфонии, а в музыкальную ткань «плотно» ввел стихотворные строки... Но это уже разговор для специалистов-музыковедов. Он состоится, когда мы услышим Первую симфонию Андрея Петрова. А пока задумаемся о другом. Человек ищет, раздвигает рамки своего творчества — не к этому ли также звала Партия в дни памятных деловых разговоров с мастерами цеха искусства?!

И ТАК, работать и искать.

И обязательно быть убежденным в том, что твое дело не только правильно, но и очень нужно людям...

Так сказал мне кинорежиссер Михаил Иванович Ершов, когда мы встретились с ним на «Ленфильме». Приятно видеть счастливого человека. Таким выглядел Ершов. ЕСТЬ причины для великодушного настроения: его картина «Родная кровь» привезла с фестивалей в Аргентине почетный приз «За гуманизм», начата работа над другим фильмом, о котором режиссер мечтал давно...

И Михаила Ивановича я тоже застала за делом. Вместе с гримером он обсуждал подробности сегодняшних кинопроб. Период очень ответственный — будущая картина посвящена студенту Казанского университета Володе Ульянову. Сохранилась всего одна фотография Ленина тех лет. И именно она должна помочь отыскать молодого актера, который был бы не только талантлив, но

и похож на 17-летнего Ильича.

— Хочется подойти к истокам могучей ленинской личности, — говорит Ершов, — узнать, увидеть, показать зрителям, как начал формироваться будущий руководитель пролетариата. И обязательно передать это в фильме поэтически, как и написан сам сценарий Ю. Яковлева «Первая Бастилия». Поэтически, как поэтичны юность, весна, Россия...

Дорогу длиной в добрых 20 лет прошел к этой картине М. Ершов. Еще совсем мальчишкой воевал на войне, потом работал в клубе на Смоленщине, был артистом, певцом, служил в милиции. А нашел себя в кинематографе. Новая картина будет его пятым фильмом.

— Людям надо знать о Ленине все, — добавил Ершов. — Чтобы ни одна страница его жизни не осталась для нас непрочитанной. Это надо людям, понимаете, надо!

В МАСТЕРСКОЙ на улице Декабристов нам открыл дверь усталый рабочий человек в комбинезоне, с измазанными глиной руками — лауреат Ленинской премии, действительный член Академии художеств СССР, народный художник СССР Михаил Константинович Аникушин.

Я иногда бываю здесь, в мастерской. Знаю: вот эта бережно завернутая скульптура у окна — заветная работа художника, которую он делает особенно тщательно и любовно. Это портрет Ленина. Чуть дальше — молодой Пушкин. Он присел на выступ скалы, ясные, вдохновенные его глаза видят море, волнующееся под ним. «Шуми, шуми, послушное ветридо...»

А кто это?

Ученый-физик, академик А. Ф. Иоффе — последняя, только минуту назад завершенная работа Аникушина. Мне посчастливилось видеть ученого при жизни. Да, да, он был таким, как на портрете.

— Вы, наверное, хорошо знали Иоффе, Михаил Константинович?

— Нет, — отвечает Аникушин, — к большому сожалению, не пришлось.

Значит, помогли фотоснимки? Но мысль, одухотворяющая лицо, и вот этот юношеский, озорной взгляд у старого, но не стареющего ученого, весь его облик — устремленный вперед, как бы летящий... Какая фотография донесет это до художника?

— Я читал его книги, — говорит Аникушин.

— По физике?

— И по физике.

И еще — читал об ученом, встречался с людьми, близко знавшими его. Скульптор говорит о своем герое сердечно и увлеченно, как рассказывал когда-то о Бехтерева, о Юрьеве, о монтажнике Митрофанове — их портреты он лепил. Так же, как говорит о нашем поэте Александре Прокофьеве, о певице Неждановой. Это — будущие работы.

— Скажите, а вот была ли хоть одна работа, за которую вы принимались спокойно? Ну, с таким, что ли, профессиональным хладнокровием, без особой любви к самому объекту изображения?

Аникушин смотрит на меня удивленно. Искусство без любви? Да когда и кого приводило оно к настоящему успеху? Искусство всегда жестоко мстило ремесленникам за пустоту их души.

ЧЕТЫРЕ ВСТРЕЧИ. четыре беседы. Они происходили в разных местах и в разные дни. Но прозвучали для меня как один большой разговор. Писатель, композитор, режиссер, скульптор, даже не встретившись вместе, говорили об одном, дополняя друг друга: работать, искать, быть убежденным, любить. И еще — о рабочих мозолистых руках нашего искусства, которым предстоит еще многое сделать.

И. КНЯЗЕВА